

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

Александр Елисеев

**1937:
Не верьте лжи
о «сталинских
репрессиях»!**

**Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2015**

УДК 94(47+57)“1937”
ББК 63.3(2)62
Е51

Елисеев, Александр Владимирович.
Е51 1937: Не верьте лжи о «сталинских репрессиях»! /
Александр Елисеев. — Москва : Яуза-пресс, 2015. —
384 с. — (Информационная война).

ISBN 978-5-9955-0808-3

Был ли 1937 год «преступлением века» — или спасением страны? Кто на самом деле развязал «большой террор»? Зачем Сталину понадобилось «чистить» «элиту» СССР? Существовал ли в реальности антисоветский заговор? И каковы были подлинные, а не раздутые хрущевской пропагандой масштабы «массовых репрессий»?

Отвечая на самые сложные и спорные вопросы, эта книга опровергает «черный миф» о 1937 годе, ставший краеугольным камнем антисталинизма. Это историческое расследование не оставляет камня на камне от «либеральной» лжи о «чудовищных преступлениях Сталина» и «невинных жертвах кровавого режима». Этот бестселлер разгадывает подлинный смысл «сталинских репрессий», неопровержимо доказывая, что великое Очищение 1937 года было хоть и болезненной, но вынужденной и совершенно необходимой мерой, что основной удар пришелся не по простому народу, а по партийным чиновникам и зажавшейся самозваной «элите». Народ же рассказывал об эпохе «большого террора» такие анекдоты. Ночь. Раздается стук в дверь. Хозяин спрашивает: «Кто там?» Ему отвечают: «НКВД». «Вы ошиблись, — говорит хозяин, — коммунисты живут этажом выше»...

УДК 94(47+57)“1937”
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9955-0808-3

© Елисеев А. В., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос, вынесенный в заглавие этого скромного труда, у многих наверняка вызовет недоумение или даже гнев. Как это кто? Давно известно — Сталин и его подручные. Зачем душить людям головы, задавая риторические вопросы?

Любопытно, что даже те, кто склонен положительно оценивать роль Сталина в нашей истории, в большинстве своем приписывают организацию массовых репрессий ему же. Дескать, репрессии были нужны для очищения страны. От кого? Ну, здесь множество вариантов. От шпионов, троцкистов, палачей времен «Красного террора», бюрократов, скрытых врагов Советской власти. В общем — нужно подчеркнуть, все зависит от политических убеждений.

Все, почти все, сходятся на одном и том же. Сталин был организатор массовых репрессий. Казалось бы, такое единодушие должно убеждать. Однако давайте не будем спешить. Мало ли, сколько было расхожих представлений, а потом выяснялось, что они не ценнее мыльного пузыря. Давайте попробуем взглянуть на проблему «Большого террора» иначе, чем большинство.

Для начала выясним, откуда возник массовый политический террор. Он появился в эпоху революций. Резкий поворот в общественном развитии всегда порождает мощное сопротивление широких социальных слоев. Революции сопротивлялись не только представители свергнутой верхушки, но и **массы**, точнее, их

часть. А подавление масс соответственно требовало массового террора.

Классическим образцом массового революционного террора можно считать якобинский террор 1793—1794 годов, который во Франции унес около миллиона жизней. Такова была цена Великой Французской революции. Однако политический терроризм, в той или иной степени, был присущ и другим буржуазным революциям — английской, американской, испанской, итальянской. Любопытно, что он был присущ и первой российской революции, вспыхнувшей в 1905 году. Я имею в виду террор эсеров и анархистов. Его принято называть индивидуальным, однако он принял характер массового. И это неудивительно, ведь эсеры имели в своем распоряжении массовую партию лево-радикального толка.

По самым скромным подсчетам, в годы эсеровско-анархического террора погибло 12 тысяч человек. Думские депутаты-монархисты однажды принесли в зал заседаний склеенные бумажные листы, на которых были написаны имена жертв террористов. Так вот, полосу этих бумаг они смогли развернуть по всей ширине зала. До революции была выпущена многотомная «Книга русской скорби». В ней собраны данные о жертвах террора. Среди них лишь очень немногие принадлежали к элите русского общества. Большинство представляли мелкие чиновники, низшие чины полиции, священники, ремесленники. Очень многие пострадали совершенно случайно, оказавшись рядом с бомбистами. Например, 12 апреля 1906 года при взрыве дачи П.А. Столыпина погибло 25 человек, пришедших на прием к премьер-министру. Ранения получили трехлетний сын Столыпина и его четырнадцатилетняя дочь.

Все это было генеральной репетицией гораздо более страшного «Красного террора», который развернулся в России через несколько месяцев после Великой Октябрьской социалистической революции. Он показал, что массовый терроризм присущ не только

буржуазным, но и социалистическим революциям. Во время Гражданской войны чекисты снимали целые социальные пласты нации — духовенство, дворянство и буржуазию. Террор ставил своей целью не просто удержание политической власти, но и социальное конструирование. Ведущий теоретик партии большевиков Н.И. Бухарин писал по этому поводу следующее: *«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».*

Между тем нельзя забывать и о белом терроре, который был менее масштабным, чем красный, однако все равно носил массовый характер. И здесь даже не нужно ссылаться на советских историков, которых можно упрекнуть в предвзятости. Достаточно процитировать самих белых. Да вот хотя бы и А.И. Деникина, который писал в «Очерках русской смуты»: *«Нет душевного покоя, — каждый день — картина хищений, грабежей, насилия по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи... Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густою сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская)».* А вот что пишет военный министр колчаковского правительства А.П. Будберг: *«Приехавшие из отрядов дегенераты похваляются, что во время карательных экспедиций они отдавали большевиков на расправу китайцам, предварительно перерезав пленным сухожилия под коленями («чтобы не убежали»); хвастаются также, что закапывали большевиков живыми, с утилом дна ямы внутренностями, выпущенными из закапываемых («чтобы мягче было лежать»).* Будберга хорошо дополняет В.Н. Шульгин, бывший убеж-

денным антикоммунистом и активным участником Белого движения. *«В одной хате за руки подвесили комиссара, — рассказывает Шульгин, — под ним разложили костер и медленно жарили... человека. А кругом пьяная банда монархистов... выла «Боже, царя храни»...*

Весьма ценны, в данном плане, воспоминания А.С. Суворина, который был всецело на стороне белых: *«Первым боем армии, организованной и получившей свое нынешнее название [Добровольческой], было наступление на Гуков в половине января. Отпускная офицерский батальон из Новочеркасска, Корнилов напутствовал его словами: «Не берите мне этих негодяев в плен! Чем больше террора, тем больше будет с ними победы!»*

Губернатор Енисейской и части Иркутской губернии генерал С.Н. Розанов, особый уполномоченный Колчака, приказывал:

«1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожakov; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, — расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны.

Примечание. Все отобранное должно быть проведено приказом по отряду...

...6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно».

А вот каким был приказ коменданта Макеевского района, подчинявшегося атаману П.Н. Краснову: *«Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать; Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня».* По мнению историков, которых можно упрекнуть в «предвзятости», террор все равно носил массовый характер.

Свою лепту в развязывание террора внесли и «демократические» социалисты, которые лицемерно осу-

ждали «зверства большевизма». *«Роль правых эсеров и меньшевиков в становлении белого террора можно наглядно проследить на примере событий, развернувшихся летом — осенью 1918 г. в Ижевске, где произошло самое мощное за всю советскую историю антибольшевистское рабочее восстание, — пишет Д.О. Чураков. — ...Уже начало переворота связано с кровавым эпизодом — бессмысленной расправой, учиненной толпой над разъездом конной милиции... После первых успехов мятежа началась кровавая расправа. По свидетельству военного лидера повстанческой армии полковника Федичкина, мятежники, среди которых было немало рабочих, в течение 12 часов ловили и расстреливали большевиков. В первые же дни восстания зверская расправа состоялась над начальником милиции Рогалевым, одним из лидеров максималистов Т. Дитяиным, был выведен из госпиталя и растерзан Жечев — и этим список жертв мятежа далеко не исчерпывается... Картины бессудных расправ наблюдались в те дни во всех заводских поселках и деревнях Прикамья, захваченных повстанцами. На большевиков и всех сторонников Советской власти устраивалась настоящая охота. Как показывают исследования современных ижевских историков П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова, очень часто речь шла вовсе не о стихийных вспышках насилия, а о вполне продуманных, целенаправленных акциях новой повстанческой власти. Арестами и содержанием под стражей первоначально занималась специальная комиссия по расследованию деятельности большевиков, а затем — созданная на ее основе контрразведка. Арестам подвергались не только деятели большевистского режима, но и члены их семей. Так, были арестованы отец заместителя председателя Воткинского Совета Казенова, а вслед за ним и 18-летняя сестра, которая пыталась передать брату посылку. Через несколько дней они были расстреляны. Был схвачен и расстрелян проявлявший сочувствие к большевикам священник Дронин, многие другие. С течением времени репрессивные меры распространились на все более широкие слои населения Ижевска, всего Прикамья. Даже сами пов-*

станческие авторы признают колоссальный размах осуществляемых ими репрессий. К примеру, один из них пишет о сотнях арестованных в импровизированных арестных домах. Около 3 тыс. человек содержалось на баржах, приспособленных под временные тюрьмы. Этих людей называли «баржевиками». Примерно такое же количество арестованных находилось в Воткинске, не менее тысячи их было в Сарапуле» («Роль правых социалистов в становлении системы белого террора»).

Свой образчик революционного террора дала и «великая пролетарская культурная революция», осуществленная Мао Цзэдуном в Китае. В ходе нее погибли десятки миллионов китайцев, павших жертвами как тамошней госбезопасности, так и шаек озверевших юнцов, именуемых хунвейбинами и цзаофанями. Хотя «красный террор» начался еще в 30-е годы, на территориях, занятых китайской Красной Армией. Причем массовые репрессии проводились и в отношении коммунистов. Так, в 1930-х годах Мао провел жесточайшую чистку Красной Армии от так называемых «АБ-туаней» — скрытых агентов «Антибольшевистской лиги». *«Одним из первых актов новых властных структур стал приказ о применении «самых жестоких пыток» с целью выявления агентов «АБ-туаней», — пишет биограф Мао Цзэдуна Ф. Шорт. — В тексте приказа подчеркивалось, что допросам должны быть подвергнуты и те, кто «в своих словах представляются самыми преданными, прямодушными и положительными товарищами». Число казненных росло день ото дня, поскольку каждое признание вело к арестам новых жертв, а каждая жертва на допросах тоже не молчала... Красная Армия начала погружаться в бездны чистки. Языки ее пламени беспристрастно пожирала бойцов и командиров, в каждой части были созданы «комитеты по борьбе с контрреволюционными элементами». Из воспоминаний Сяо Кэ: «В моей дивизии были расстреляны шестьдесят человек... Дивизионный партком принял решение прибавить к ним столько же... Всего же из семи тысяч личного состава 4-й армии на казнь отправились от тысячи трех-*

сот до тысячи четырехсот человек»... Чуть более недели ушло на то, чтобы почти четыре с половиной тысячи бойцов и командиров Первой фронтовой армии признались в тайных связях с Гоминьданом» («Мао»).

Склонность к террору продемонстрировали и революции «справа». Придя к власти на волне «национальной революции», национал-социалист Гитлер подверг репрессиям сотни тысяч немцев. Только членов Коммунистической партии Германии было казнено 33 тысячи человек. А уж какой террор Гитлер организовал на оккупированных им территориях, говорить, я думаю, не стоит. Конечно, масштаб гитлеровского террора в отношении немцев намного меньше тех масштабов, которых достигал террор «коммунистический». Но это как раз и связано с тем, что гитлеровская революция была менее радикальной — в плане внутренней политики. В области же внешней политики Гитлер проявил крайнюю революционность, что и привело к грандиозному террору в отношении многих народов.

Тут надо отметить, что революция далеко не всегда сопровождается массовым террором. В той же Германии ноябрьская революция 1918 года сумела удержаться на краю пропасти. Но край все-таки был. В 1919 году в Баварии левые радикалы создали Советскую республику, которая по примеру своей российской сестренки стала арестовывать и уничтожать «врагов революции». Конец этому положили вооруженные отряды немецких патриотов.

В любом случае революция всегда чревата террором. Он может вылезти из этого чрева, а может так и сгнуться в утробе. И если не всякая революция порождает массовый террор, то любой массовый террор имеет своей причиной именно революцию. Причем это касается и «красного», и «белого» террора. Можно долго спорить о том, какой из них начался первым, а какой был «всего лишь ответом». В любом случае массовый террор имеет своей причиной революцию.

Теперь давайте обратимся к фигуре Сталина. Исследователи как-то не склонны преувеличивать рево-

люционность этого деятеля. Напротив, многие наблюдатели, как «левые», так и «правые», считают, что Сталин был могильщиком «пролетарской» революции. И очень мало тех, кто ставит его на одну доску с творцами Октября.

Меня давно занимает такой парадокс. Проводя параллели с Великой Французской революцией, Сталина часто именуют термидорианцем, а его политику — термидором. Особенно любил говорить о сталинском термидоре Троцкий. Однако ведь именно группировка термидорианцев положила конец массовому якобинскому террору 1793—1794 годов, который грозил уже пожрать и самих революционеров. И если Сталин — термидорианец, то какой же он тогда организатор террора?

Как ни относиться к Сталину, но очевидно, что он осуществил ряд мер, направленных против нигилизма, порожденного революцией. Восстановил в правах национальный патриотизм. Способствовал тому, чтобы искусство, особенно архитектурное, приняло бы классические формы. Наряду со своим культом установил культ русской литературы. Взял курс на укрепление семейного уклада. «Реабилитировал» многих исторических деятелей старой России. Прекратил преследование церкви.

И в то же самое время именно он развернул массовый террор? Получается, что преодоление нигилизма ведет именно к массовому террору, широкомасштабным репрессиям? Непонятно... А если предположить, что развязывание террора произошло против воли Сталина?

Но, может быть, допустить и обратное? Что, если Сталин и в самом деле был верным продолжателем дела Ленина и Троцкого, как нас уверяют некоторые? Что ж, давайте взглянем в него повнимательнее.

Глава 1

КОНСЕРВАТИВНЫЙ БОЛЬШЕВИЗМ

Сталин в Октябре: против хаоса

Сталин являл собой тип революционно-консервативного политика. «Вождь всех времен» признавал революцию как средство преобразования действительности, но стремился при этом к максимальной управляемости всех общественных и государственных процессов. А этой управляемости нельзя достичь без сознательного их торможения, перевода на низкие, «надежные» скорости. Очевидно, и сам марксизм привлекал Сталина тем, что декларировал планомерное руководство всеми сферами общественной жизни. Капитализм, с его невидимой рукой рынка, вносил и вносит в эту жизнь слишком много хаоса, многое решая за счет интуиции и даже просто счастливой случайности. Иное дело марксизм, который даже философию рассматривал как средство переустройства мира. Но если марксисты стремились к небывалому, идеальному обществу без внутренних противоречий, то Сталин чуждался экспериментов и утопий. Он хотел укрепить — с помощью марксистской методологии (а отнюдь не идеологии) — уже вполне «бывалое», Российское государство.

Анализируя позицию Сталина в самые разные периоды его политической деятельности, не перестаешь удивляться тому инстинктивному отторжению хаоса, которое было присуще этому человеку, занимавшему

видные посты в революционной партии большевиков. О том, как он укреплял государственность в 30—50-е годы, написано много. Мы позже также коснемся некоторых аспектов тогдашней его деятельности. Но более интересно затронуть момент, на который не часто обращают внимания. Я имею в виду позицию Сталина в 1917 году. В том самом году, когда в стране произошло сразу две революции. Существует довольно распространенное мнение, согласно которому Сталин отказался от революционного нигилизма и встал на государственно-патриотические позиции только в 30-е годы, из прагматических соображений. Дескать, он исходил из того, что скоро наступит война, которую не выиграешь под левацкими, интернационалистическими лозунгами. Отсюда и его эволюция. Однако факты эту концепцию опровергают. Сталин был национальным патриотом и творческим консерватором еще в 1917 году.

В первые месяцы после Февральской революции Сталин был против перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую (свою точку зрения он изменил, скорее всего, вынужденно, только после возвращения Ленина). В марте-апреле на подобных позициях стояло почти все высшее партийное руководство, находящееся в России. Вообще, партией большевиков тогда управлял триумvirат, состоящий из Л.Б. Каменева, М.И. Муранова и Сталина. Позиция триумvirата была близка к меньшевизму. Подобно лидерам правого крыла российской социал-демократии, триумvirы не считали необходимым брать курс на перерастание буржуазной революции в революцию социалистическую. Они также были против поражения России в войне. По их убеждению, социалисты должны были подталкивать Временное правительство к выступлению на международной арене с мирными инициативами. Во всем этом руководящая тройка была едина. Но Сталин все же занимал в ней особую позицию, весьма далекую от меньшевизма.

Он не был сторонником сотрудничества с Временным правительством. Сталин осознавал, насколько можно дискредитировать себя поддержкой правительства либеральных болтунов, которые разваливают страну и во всем оглядываются на своих англо-французских покровителей. Вместе с тем Иосиф Виссарионович подходил к проблеме гибко, диалектически. Согласно ему, надо было поддерживать «временных» там, где они, **вольно или невольно**, проводят преобразования, необходимые для России. В этом Сталин выгодно отличался и от беззубых соглашателей, и от экстремистов ленинского склада, требующих жесткого противостояния. Позднее, в августе 1917 года, Ленин, с присущим ему прагматизмом, поймет правоту двойственного, сложного подхода. Он поддержит Керенского против Корнилова и тем самым укрепит позиции партии.

В марте 1917 года Сталин открыто декларировал приверженность русскому национальному патриотизму. Это смотрелось довольно необычно на фоне российского социалистического движения, напичканного демагогами и авантюристами, готовыми любое проявление национальных чувств объявить черносотенством.

Нет, в рядах меньшевиков и эсеров было достаточное количество людей, объявляющих себя патриотами, но их патриотизм сводился к идее воевать с немцами до «победного конца». Однако после свержения царя война вообще теряла свой смысл, ибо произошло ослабление государства и разложение армии. Получалось, что Россия должна была воевать за англо-французские интересы, ведь достижения своих задач, которые она ставила в начале войны, ей уже нельзя было добиться. Таким образом, настоящим патриотом становился тот, кто желал прекращения войны, но без ущерба для национальных интересов страны (к этому вели пораженцы, руководимые Лениным).

Сталин как раз и принадлежал к числу таких пат-